О.А. Ожегова,
кандидат социологических наук, доцент

РЕГИОН КАК «ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО» (Опыт социологической рефлексии этнических процессов)

Понимание феномена социокультурной исторической регионализации современного мира требует уяснения диалектики двух противоречивых социальных тенденций – унификации и сохранения уникальности. История минувшего века свидетельствует о попытках насильственного социального нивелирования, о борьбе сторонников мондиализма, с одной стороны, и приверженцев регионализма и сепаратизма, отстаивающих право социальной исключительности на коллективной основе, – с другой.

Актуализация проблематики цивилизационной идентичности связана как с внешними, так и с внутренними проблемами. В общецивилиза-ционной перспективе прослеживается противоречивая тенденция: с одной стороны, стремление мира к унификации, с другой – возрождающаяся старая, как мир, оппозиция «свой – чужой» на уровне локальной цивилизации, стремящейся сохранить культурную самобытность, то самое «Мы», где человек чувствует себя в культурном отношении «дома» и которое одновременно отделяет его от «них», «чужих» – тех, что вовне. При изучении этнической составляющей социокультурной реальности, особенно значимой для нашей страны, зададимся вопросом: «Как эта «реальность» воспринимается конкретными людьми, преломляется в их сознании?».

Российская полиэтничность – феномен, отличающий историческую судьбу нашего отечества от многих мировых локальных цивилизационных пространств. В течение трех (2002 – 2005 гг.) лет, основываясь на личностном подходе*, мы проводили авторское исследование оценок респондентов особенностей народа, т. е. россиян которые, считают, что именно многонациональность составляет самобытность России. Вошедшие в общее число респонденты по этнической самоидентификации не представляли однородной группы. Нарративные интервью показали, что взгляд на самобытные особенности россиян не совпадает с представлениями респондентов об эт-

* Этот подход предполагает имплицитное наличие личности исследователя с опытом, знаниями, особенностями интерпретации материала.

нических авто- и гетеростереотипах, т. е. общие представления о российской самобытности включают еще и этническую неподражательность. Пример этнического автостереотипа: «Россиянам присуща склонность переводить деловые, официальные отношения в дружеские и неформальные, но так как это умеют делать грузины, не получится ни у русских, ни у татар». Пример этнического гетеростереотипа: «Конечно же, россиянам присуща склонность решать жизненные проблемы в обход закона, но возмутительнее всех это делают выходцы с Кавказа».

Мы полагаем, что государственная внешне «нейтральная» позиция безразличия к этнической идентичности, сведйния всех граждан государства к простым абстрактным гражданам, в действительности отдает предпочтение крупнейшей этнической группе, а «другие» и «иные» на уровне житейского сознания в лучшем случае «отвечают» прескриптивными и преференционными браками. Однако возможности человека адекватно реагировать на приращение сложности (в том числе этнической) окружения небезграничны. В какой-то момент этнического взаимодействия несоответствие реакций изменившимся условиям субъективно ощущается как потеря контроля над окружением, сопровождающееся чувством тревоги и беспокойства, побуждением к новому определению ситуации. В этих условиях люди отчасти приспосабливают их к себе, отчасти создают изменения, не ведущие в конечном счете к этно-адаптационным последствиям.

Очевидно, что Россия стоит перед решением общего социально-этнического вопроса: как сохранить себя, свои культурные образы и традиционную идентичность, в то же время не разрушая суперэтнической целостности и единства. В этом контексте географическое положение Приволжского федерального округа (ПФО) (между Европой и Азией) определяет этническую составляющую миграционных потоков, проходящих и через Саратовскую область, которая полиэтнична исторически.

За минувшее десятилетие «земля Саратовская» устойчиво теряет только два народа: евреев и немцев, но является «принимающей стороной» и для внутренних нерусскоязычных мигрантов, и для мигрантов – представителей коренных национальностей стран СНГ. Именно эти реалии диктуют необходимость пристального внимания к вопросу *адекватности форм интеграции* «чужих» в принимающее сообщество. По данным Центра стратегических исследований ПФО, в Саратовской области четверть миграционного потока составляют представители мусульманской идентичности: узбеки, таджики, туркмены, казахи, а также переселенцы из Дагестана и Чечни.

Мировая история являет различные способы регионализации как глобальной, так и локальной социосреды. В качестве стержня со-

временной регионализации мира вообще и отдельного региона в частности все чаще выдвигаются социокультурные характеристики, которые менее подвижны и переменчивы, чем идеологические, политические или экономические. По выражению С. Хантингтона, «коммунисты могут стать демократами, богатые бедными, и наоборот, но русские не могут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами. В классовых и идеологических конфликтах ключевой вопрос был: "На чьей ты стороне?"… В межцивилизационных конфликтах – "Кто ты?". Это данность, которая не может быть изменена»[1].

Мы убеждены, что региональная дифференциация социума (особенно полиэтничного) неизбежна, поскольку «святыни и ценности», составляющие устои повседневного общежития этнических сообществ, обладают статусом социальной исключительности. Дифференциация обусловлена тем, что человеческим сообществам свойственна внутренняя коллективная жизнь, которая несет в себе элементы порядка социальной исключительности. Они представляют собой работу социально-исторического памятования, себя-именования и себя-определения сообществ-для-себя. «Материалами», в которых воплощается самоидентификация, выступают язык, территория, различные жанры искусства, техники, а также формы и нормы повседневной организации труда, быта, отдыха, этнического поведения.

Однако тема собственной национально-культурной идентичности в разных вариациях – государственной, национальной, духовной, административно-правовой и даже экономической – вряд ли где, кроме России, была столь болезненной. Например, вопрос о культурной идентичности для русских редуцируется с бесконечным спором о том, европеец он или азиат: «Поймите меня правильно: всякий русский – милейший человек, покуда не напьется. Как азиат он очарователен. И лишь когда настаивает, чтобы к русским относились не как к самым западным из восточных народов, а, напротив, как к самому восточному из западных, превращается в этническое недоразумение, с которым, право, нелегко иметь дело»[2]. Мнение Р.Киплинга не оригинально.

Для многонационального Саратовского региона характерно взаимодействие различных этнических общностей. Некоторые из них отличаются выраженным стремлением к сохранению национальной самобытности, другие же – близки к потере национальной идентичности. В этой связи необходимо изучение особенностей националь-

[1] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. С. 56.

[2] Цит. по: *Айзатулин Т.* Теория России: геоподоснова и моделирование. М., 1999.

ной самоидентификации на основе качественного социологического исследования.

В основу авторского пилотажного исследования, которое стало начальной стадией проекта изучения этнической самоидентификации личности, мы заложили гипотезу: этническая самоидентификация – это результат осознания оппозиции «свой – чужой». Исследовательский интерес был направлен на проблемы личностных значений, субъективного восприятия людей, т. е. на изучение образа «свой – чужой» как некоего социального стереотипа, который используется индивидами для упорядочивания своего жизненного опыта. Объектом исследования стали неоднородные этнические группы с преобладанием этнических русских, в группах были также грузины, татары, абхазы, евреи, украинцы, белорусы, армяне, черкесы, казахи и респонденты, затрудняющиеся определить свою этническую принадлежность, так как не хотели делать выбор в пользу одного из родителей.

Для разработки методики сбора информации об образе «свой – чужой» в инструментарий сбора информации были внесены 16 неоконченных предложений, структурированных по 4 блокам, которые обозначали логику анализа эмпирического материала. Блок **А** «собирал» непосредственно вызываемые главным стимулом реакции, которые, в свою очередь, раскрывали структуру изучаемого образа. Блок **Б** «погружал» образ в определенные контексты, характеризующие его свойства как целого. Блок **В** «определял» расположение изучаемого феномена относительно других социальных стереотипов. Блок **Г** «выявлял» эмоциональный заряд, который несет в себе образ*.

Благодаря такому структурированию неоконченных предложений была обозначена логика анализа эмпирического материала. Автор полагал, что эта методика позволит получить реакции респондента, минимально искаженные влиянием исследователя, так как испытуемый вынужден говорить «своими словами», в результате при завершении предложения он использует те категории, которыми оперирует в повседневной жизни.

* Для сбора эмпирических данных была применена методика опроса посредством анкеты и раздаточного материала-таблицы. Фиксировались пол, возраст, гражданство, место учебы/работы, а также национальность не только респондента, но и его родителей, бабушек и дедушек по отцовской и материнской линии; также предлагалось обозначить национальность «второй половины» (если она есть) по той же схеме и национальность детей (если они есть). Опрос проходил аудиторно 11 раз по 25 – 30 человек. Всего было опрошено 285 человек. Респондентам раздавались анкеты, время заполнения не ограничивалось, что позволяло испытуемым в процессе заполнения давать более развернутые ответы.

Традиционно считается, что проективные вербальные техники должны исключать длительные размышления. Но уже в процессе первого контакта участники-респонденты изъявили прямо противоположные желания: либо «хорошенько подумать», либо не выполнять задание, так как «на ум ничего не приходит, а думать не хочется». В этой ситуации автор счел необходимым просить «нежелающих» респондентов письменно аргументировать свое нежелание. Задача оказалась полностью «не по силе» 30% респондентов, размышлять над оппозицией «свой – чужой» они просто отказались, мотивируя это так: а) «Я об этом не думаю»; б) «Все это чувствую, но сказать не могу»; в) «Как можно так о людях! Это антигуманно!»

Частично с задачей справились (или захотели справиться) 45% респондентов, наибольшую трудность вызвали предложения таблицы, где предлагалось поразмыслить над образом «чужой». Аргументы, объясняющие отсутствие авторских трактовок, в общем, были таковы: а) «И так понятно, сегодня – свой, завтра – чужой»; б) «Для меня все «свои», они же люди!»; в) «Не вижу необходимости дальше напрягать мозги, мне это не интересно». 25% респондентов справилось с задачей полностью (71 анкета). Автор счел целесообразным «пригласить» именно их к дальнейшему сотрудничеству, которое стало необходимым на втором этапе анализа анкет.

На первом этапе анализа анкет использовалась процедура разделения текстов окончания предложений на элементарные обоснования респондента. На втором этапе только из четверти анкет по каждому смысловому блоку происходило объединение всех схожих элементарных обоснований в группы. Автор стал проводить экспертные интервью с вошедшими в 25%, в результате чего образовывались отдельные элементы, которые выражали ту или иную характеристику образа.

В ходе анализа было выделено три типа образа «своего» и три типа образа «чужого», что, в свою очередь, составило три типа оппозиции «свой – чужой».

Первый из них является наиболее распространенным и включает в себя следующие характеристики: «Принципы взаимности» – определения, которые говорят о том, что «свой» это тот, кого люблю, хорошо знаю, кому верю/доверяю, кого считаю родным (как правило, семья) и обязательно эти чувства должны быть взаимны. «Чужой» тот, кого не люблю, не знаю, кому не верю/не доверяю, кто не может быть родным. Респонденты полагают, что эти же чувства «чужие» испытывают к ним.

Второй тип оппозиции наименее распространен: ярко выраженная толерантность к своим – интолерантность к чужим; открытость для «своих» и закрытость для «чужих» по этническим признакам. Он

включает в себя следующие характеристики: «Свой» – это русский, христианин, человек моей национальности или национальностей, составивших мою семью, татарин, мусульманин, тот, кто чтит нашу культуру, похож на меня национальным характером. «Чужой» – это не русский, не христианин, человек не моей национальности, не татарин, не мусульманин, тот, кто не чтит нашу культуру, тот, кто не похож на меня. В этом типе оппозиции встречались наиболее оскорбительные и унизительные для представителей различных этнических культур выражения и эпитеты.

Третий тип оппозиции – нечто среднее между первым и вторым, так как в нем на общем фоне первого типа присутствует средневыраженная интолерантность. Он включает в себя следующие характеристики: «Свой» – это тот, кого люблю и включаю в свой круг, но «чужой» не должен навязчиво стремиться стать «своим», хотя «чужие», как и «свои», могут быть умными и глупыми, верными и неверными.

Как правило, респонденты в размышлениях о «своих» подспудно (это было выяснено точно при экспертных интервью) ориентировались на конкретных людей и жизненные ситуации. А вот размышляя о «чужих», в большей степени строили интеллектуальные конструкции.

Частично с задачей справились (или захотели справиться) 45% респондентов, именно из этой группы мы выбирали желающих «побеседовать» в свободной форме. Жесткость оппозиции «свой – чужой» была завуалирована нами намеренно. Результаты удивили «двойным стандартом». В результате глубинных интервью мы получили сведения, указывающие на высокую степень толерантности к означенной проблеме вообще, на «глобальном» уровне, и индивидуальную нетерпимость в области личных, семейных отношений и повседневных контактов с «чужими». Такие наблюдения интервьюируемых в большей или меньшей степени соответствуют индивидуальному опыту каждого человека.

Противопоставление «свои – чужие» в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения, в том числе российского. Вполне концептуализированно именно это различие разделяет «свой народ» от «не своего», «другого», «чужого». В общенаучном смысле мы должны рассматривать не только объективно существующие различия людей по линии «свои – чужие», но и мифологизированные формы, которые эти различия приобретают в человеческом сознании. На наш взгляд, именно сфера «свои – чужие» как раз такова, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании.

Субъективные представления на уровне массового сознания далеко не всегда и необязательно «антинаучны». Полагаем, что проведение независимых социологических и культурологических наблюдений и обследований национальной идентичности приведет к поддержке всех форм добровольных движений и культурных обменов, а в перспективе позволит разработать системы оценок позитивного взаимосоответствия общих целей развития суперэтноса и интересов этнических субкультур.